

Но основная мысль – цель послания – заключается в третьей части произведения, которая неожиданно начинается с обращения к мадам – возлюбленной героя, появляющейся как будто ниоткуда. Это признание в любви своей даме сердца. Зачем же велись столь долгие разговоры? Разговор о науке – способ для героя избежать разговора о главном, оттянуть судьбоносный момент. Герой пишет, как она являлась ему в видениях. Он помнит каждую ее черту, каждую деталь. В нем живет надежда, что письмо в бутылке окажется у ее ног. В самые напряженные и откровенные моменты любовного признания Бродский использует прием умолчания, мотивируя пропуски в тексте ремаркой: *размыто*.

Таким образом, в написанном в драматический момент жизни стихотворении Бродского тема науки, занимающая большую центральную часть текста, выполняет следующие функции. Она контрастирует лексически с основной темой стихотворения – любовью и смертью. Обращение к теме науки может показаться неуместным в подобном контексте, если бы ни тонкий психологический ход. С одной стороны, рассуждения героя на эту тему играют роль ретардации, оттягивая самый драматический и тяжелый для героя момент признания и прощания с далекой возлюбленной. С другой стороны, Бродский показывает, как ничтожны становятся все величайшие достижения человеческого разума перед личной трагедией отдельного человека.

Список литературы

Бродский И.А. Стихотворения и поэмы : в 2 т. / Иосиф Бродский. – Т. 1. – СПб. : Изд-во Пушкинского Дома ; Вита Нова, 2011. – 709 с.

Лосев Л.В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии / Л.В. Лосев. – М. : Молодая гвардия, 2006. – 214 с.

СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО КАК ФЕНОМЕН И ТРАДИЦИЯ. АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МОДЕЛИ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ЭТАПА АДЫГСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА

Ю.А. Яхутль

*Научный руководитель: У.М. Панеш,
доктор филологических наук, профессор (АГУ)*

Просветительство на Северном Кавказе представляет собой явление социально-культурной жизни адыгов и горских народов XIX – начала XX веков, источник исторических и этнографических сведений о народах Кавказа, духовно-нравственный двигатель процесса формирования национальной литературы, средство человеческого единения и

формирования качеств толерантности народов, проживающих на Кавказе и за его пределами. Активное совмещение этих и других граней в огромном понятии «Адыгское просветительство» делает его феноменом и позволяет его традициям развиваться на протяжении столетий, умножая достигнутое и расширяя гуманистические основы созидания прогрессивной морали и духовного накопления национального благосостояния.

Ведущее место в просветительском движении на Северном Кавказе принадлежит известным деятелям культуры и просвещения, начиная с Шоры Ногмова и кончая Кази-Беком Ахметуковым, Сафербием Сиюховым и Ибрагимом Цеем – интеллигентами духа, так или иначе объединенными идеями просветительской деятельности. Проблема изучения просвещения сложна и не исчерпана в научных исследованиях, несмотря на убедительную панораму художественно-публицистической мысли адыгских просветителей, созданную отечественными учеными на стыке трех последних десятилетий XX и начала XXI вв. Сложность проблемы – в неоднозначности понятия национального просветительства, его ориентаций, языковых и ментальных опор, принципов периодизации; спорность в оценках роли для национальной культуры на родине или в восточных и европейских странах, роли русского языка и литературы. Необходимо подчеркнуть как сложившуюся особенность факт формирования национальной просветительской интеллигенции в двух направлениях: восточном, объединившем выходцев из адыгской среды, получивших проарабское образование, но оставшихся носителями не только восточной культуры, но и культуры своего народа, и другом, скажем, евразийском, ориентированном на русскую и европейскую культуры, что отчетливо обозначилось в творчестве деятелей национального просвещения, получивших образование в учебных заведениях России [Налоев 1985: 35].

Представителей двух направлений роднят патриотические побуждения к художественно-публицистическому творчеству во имя родины и ее истории, усилия по созданию литературной летописи народной жизни [Агержанова 2003: 54].

Своеобразие русскоязычного просветительства адыгов определилось к концу XIX века. Оно тщательно изучено Т. Саськовой, Ю. Тхазитовым, доказавшими плодотворность культурного сотрудничества, значение русского языка для спасения адыгского этноса «перед лицом мощного и жестокого врага» во время кавказской войны. При всей парадоксальности постановки и решения этого вопроса Ю. Тхагазитовым, аргументы ученого держатся на идеях его научных предшественников, и развитием русско-адыгских отношений вплоть до фактов современных культурных

интеграционных процессов подтверждает эту выстраданную историческую правоту. Сущность основных взглядов просветителей XIX века составили следующие идеи:

1. Руссоистская идея «золотого века» – «естественного человека в его преимуществах перед цивилизацией»;
2. Идея «природного равенства людей, откуда и вытекал принцип, личной заслуги как критерия оценки человека»;
3. Преклонение перед разумом, являющимся светочем для человека во всех противоречиях жизни: «разум должен смирить страсти, будучи руководством поступками человека»;
4. Изучение прошлого в целях пробуждения самосознания нации;
5. Уважение к принципу историзма [Саськова 1991: 89].

Выход из трагической ситуации в обстановке Кавказской войны просветители нашли в русской литературе с ее гуманизмом, демократизмом и «всемирной отзывчивостью». Русская литература выросла из национального фольклора, органически связана с народным творчеством. Просветителям оказался близок сам тип русской литературы, которая, в отличие от европейских и восточных литератур, не была для своего народа только литературой, став его социологией, историей, этнографией [Тхагазитов 1996: 46]. То есть русскоязычная проза адыгов стала выражением социальных исканий народа.

Разделяя точку зрения современных ученых относительно трудности периодизации адыгского просветительства XIX века, мы поддерживали их идею обоснованности идеи трех периодов в художественном творчестве адыгов на русском языке и обозначения границ периодов. Наиболее тщательно изучены I и II-й периоды с преимущественным вниманием исследователей к фигурам первых горских просветителей (Шора Ногмов, Султан Хан-Гирей, Умар Берсей) и их последователей конца XIX века, деятелей II периода (Адиль-Гирей Кешев (Каламбий), Кази Атажукин, Султан Крым-Гирей Инатов). В первое десятилетие XX века активизировалось внимание адыгской науки к третьему периоду национального просветительства, наиболее ярко представленного Юрием Кази-Беком и Паго Тамбиевым.

В адыгейском литературоведении первенство глубоких наблюдений и системных выводов принадлежит А. Схаляхо [Схаляхо 1999: 83]. Удачной считаем и книгу С. Агержановой, сосредоточившей внимание на деятельности просветителей III периода и – что особенно ценно – на художественно-публицистических решениях острых социально-политических проблем национальной жизни. Надо подчеркнуть, вслед за Л. Голубевой и К. Шиковым [Голубева 1965: 95], значительную роль деятелей русской классической литературы: «Ведь именно они, как пишет

К. Шиков, первыми познав жестокость развязанной русским самодержавием войны, стали создавать свободолюбивый гордый образ Черкеса, защищающего свою землю от поработителей и при этом остающегося гуманистом» [Шиков 1996: 43]. III период оказался своего рода стартовым для движения к социально-политическим проблемам в ракурсе народного просвещения горских народов, активизации широкого взгляда на мир за пределами Кавказа, Востока, Азии. Расширяющийся интеллектуальный кругозор, погружение в глубь истории своего народа и рост дружелюбного интереса к другим народам крепили ростки толерантности и миролюбия в идеологии просветителей третьего периода. Эта особенность находила новые формы выражения в синкретизме фольклорных и литературно-публицистических принципов. Об этом новом качестве развития русскоязычной адыгской литературы свидетельствуют прежде всего художественное творчество Юрия Казибека Ахметукова и Ибрагима Цея, затем публицистика Сафербия Сиюхова, Ислама Супака, Химиша Хаджимукова, Довлет Гирея Хаткоко и других [К. Бузаров, Аз. Бузаров 1996: 48].

Таким образом, три периода просветительства на Северном Кавказе среди адыгов-черкесов становились единой цепью, все звенья которой были преемственно связаны и подчинялись динамике и диалектике поступательного развития, накапливая позитивные качества единого процесса и укрепляя задатки абсолютной новизны, с которой начинался послереволюционный период народной культуры и просвещения.

Послереволюционный период в национальной критике, как правило, характеризовался с преимущественным вниманием к проблемам революционного переустройства общества на Северном Кавказе.

Естественно, в публицистике и художественной литературе на первый план выходил герой-революционер, а смысл и содержание его жизни концентрировались на борьбе с политическим врагом и консервативно-реакционными обстоятельствами быта, на той стороне социальной жизни, что представляла как питательная среда враждебных настроений и вражеских вылазок. Задачи собственно просветительства отступали на второй план и решались, как правило, вслед за основными, революционно-преобразовательными. «Адыгские прозаики показали судьбы народа в прошлом, в ярких публицистических картинах продемонстрировали обновляющее значение социальных идей», революционную борьбу за их утверждение. Л. Бекизова, А. Схалыхо, К. Шаззо обстоятельно обосновали этот тезис анализом адыгейской, кабардинской, черкесской прозы 20–30-х годов: Т. Керашева, И. Цея, Х. Гашокова, А. Пшенокова, Дж. Налоева, Х. Теунова и других. Между тем, уже в ряде произведений названных и других авторов немало

художественного времени отдавалось решению чисто просветительских задач, делались попытки осветить гуманистические проблемы личности и найти связанные с ними художественные приемы раскрытия психологии общества [Бекизова 2008: 23]. Однако попыткам художественного воплощения популярной темы народного просвещения препятствовали ошибки авторов, признаваемые за идеологические, отсутствие опыта психологизма в создании характеров. Переход к «размышляющей» прозе только лишь намечался.

Более того, ее «замкнутость» на индивидуально-личностных проблемах, религиозность ряда авторов вызывали откровенно негативное отношение у официального руководства национальной литературой 20–30-х годов. Так, известна весьма критическая оценка Т. Керашевым в докладе на I съезде адыгейских писателей в 1936 году «чуждых элементов» в литературе. К ним были приписаны представители «духовно-арабистской интеллигенции», сохты; писатели-просветители старшего поколения Сафербий Сиюхов и Ибрагим Цей, эфенди Хусен Хамхоков, некоторые молодые авторы – Исмаил Ашкан, Битлюстен Кoble и другие. Критика несправедлива: известно, что из среды сохтов вышли первые адыгейские учителя и поэты (например, С. Сиюхов); Хусен Хамхоков был необоснованно репрессирован, как и Б. Кoble, И. Цей много лет не печатали, трагической оказалась и судьба И. Ашкана, творчество которого было расценено как «безыдейное», т.к. не отвечало канонам соцреализма и отличалось психологической «осложненностью» характеров и пр. Таким образом, просветительская деятельность в ее прежнем понимании официально подвергалась остракизму, ибо ей предъявлялось обвинение в национализме, «абстрактно-религиозном романтизме» творчества, игнорировании злободневных революционных задач.

В то же время, вопреки крайностям и идеологическим перегибам в оценке просветительства, его традиции развивались, обретали новые качества в новых социально-исторических обстоятельствах, связанных с революционными процессами первых десятилетий, формировались как новый тип деятельности, отмеченной новизной воплощения культурно-просветительских идей в человеческих характерах.

Новый деятельностный тип унаследовал, с одной стороны, духовную раскрепощенность, патриотическую заряженность во благо Отечества, сохранения и развития национальных основ культуры, т.е. культурно-просветительскую составляющую; с другой стороны – он воспринял крепнущие тенденции к революционному преодолению препятствий на пути развития межнациональных связей, духовно-нравственного демократизма и толерантности, решения образовательно-

просвещенческих задач, обогащения национальной культуры русским просветительством, богатством мировой культуры. Отсюда неотложность широкого просвещения самого народа посредством создания национальной письменности и школьного строительства, собирания и создания системы исторических и этнографических сведений о горцах, профессиональных занятий литературой, переводческой и публицистической деятельностью.

Формировался новый тип просветителя. Его модель складывалась под влиянием просветительства второй половины XIX века (А.Г. Кешев, К. Атажукин, Баксанские просветители Кабарды), несущего опознавательные знаки русской культуры, прежде всего – литературы, с ее демократизмом и гуманизмом, и восточных культур. Но не менее сильное воздействие испытывал формирующийся общественный деятель нового типа в общественно-политической жизни страны под влиянием прогрессивных идей, вовлеченный в интенсивную работу создания новой жизни на революционных основах. Революционная эпоха, 20-е годы XX века приблизили к массам и укрепили образовательно-просвещенческие проблемы, вдохновлявшие публицистику и молодую литературу: судьбы народа, Отечества, культуры, судьбы женщины-горянки, рабоче-крестьянского люда, нарождающегося как главная движущая сила общества, новая ментальность национальной интеллигенции и др. Этот своеобразный в социальной истории и культурной биографии период был, можно сказать, погранично-связующим между третьим дореволюционным просветительским и четвертым – культурно-просветительским, соединившим массовую культурно-образовательную работу с революционным строительством. Просвещенческая линия, которую вели с начала XX века И. Цей, С. Сиюхов, Х. Хамхоков и др., обогатилась новыми красками. Главной была работа по созданию национальной письменности, родной литературы. Создание алфавита письменного языка, учебных книг (Сиюхов, Барон, Хазетлев, Кубов), литературы, расширение горизонтов видения всечеловеческой культуры, наряду с углублением в собственные национальные проблемы, давно ждавшие своего решения, – например, демократизация жизни общества, освобождение женщины, всеобщее образование, цивилизационные способы вовлечения этноса в создание жизни на новых основах (новая организация труда, общественного и государственного управления и т.п.), – требовали не только идеологического, философского осмысления, но и конкретного практического дела. Подходы к нему были новы и вели молодых смельчаков из трудовых сословий (а таково было большинство просветителей) по неизведанным, а потому и тернистым путям.

К этому промежуточному в истории адыгейского просветительства

периоду считаем логичным отнести первые шаги творчества представителей молодого адыгского поколения, одним из которых был Тембот Керашев. Имя первого из основоположников адыгейской литературы, как и имена А. Хаткова, И. Цея, других прозаиков и поэтов, за ними шедших, составило целую эпоху в истории новописьменной адыгейской литературы. Отличительная особенность этого молодого поколения адыгов в том, что, включившись в деятельность на поприще просвещения после революции 1917 года, оно начинало по сути с активной политической, зачастую – революционной деятельности, совмещая задачи революции и прогрессивного, демократического просветительства как на русском, так и на родном языках. То есть это новое поколение пошло неизведанным и потому трудным путем – факт, констатируемый в первых публикациях Т. Керашева (публицистика) и научных исследованиях его творчества [Беседина 1967: 35].

Его романы, повести, новеллы стали адыгской классикой. Но начинал Тембот Керашев свой путь писателя как культурно-революционный просветитель. В романах «Шамбуль», «Дорога к счастью», «Состязание с мечтой» впервые в адыгейской литературе новаторская идея образа просветителя нового типа, соединяющего концепцию революционной личности с героизмом повседневного мужества в создании новых форм культурной жизни и индивидуального самосознания, нашла художественное воплощение в образах Биболета Мозокова и передовой женщины-горянки Нафисет Устаноковой («Дорога к счастью»), писателя Шумафа («Состязание с мечтой»).

Новые грани северо-кавказского просветительства получили убедительное художественное изображение в романах и повестях Аскера Евтыха («Воз белого камня», «Баржа», «Бычья кровь»). Новаторство А. Евтыха убедительно проявлялось в психологическом ракурсе воссоздания трагичности духовно-нравственных исканий героев в сложный период революции и гражданской войны на Кубани.

В последующей адыгейской литературе интерес в просветительству, обострившись за два последних десятилетия, нашел разные уровни воплощения в произведениях И. Машбаша, Ю. Чуяко, П. Кошубаева, Н. Куека.

Однако феномен русскоязычного просветительства в адыгейской литературе послереволюционного периода не имеет своей научной концепции и не нашел еще системного художественного воплощения, что и обусловило актуальность данной работы.

Список литературы

Агержаноква С.Р. Художественное осмысление жизни адыгов в творчестве просветителей конца XIX – начала XX вв. / С.Р. Агержаноква. – Майкоп : ГУРИПП

«Адыгея», 2003. – 28 с.

Бекизова Л.А. Литература в потоке времени / Л.А. Бекизова. – Черкесск : РГУ, 2008. – 56 с.

Беседина Е.П. Путь к большому эпическому жанру / Е.П. Беседина. – Майкоп: Адыг. нац. изд-во, 1967. – 45 с.

Бузаров К. Сафербий Сиюхов – адыгский просветитель / К. Бузаров, Аз. Бузаров. – Майкоп : ГУРИПП «Адыгея», 1996. – 138 с.

Голубева Л.Г. Из истории просветительства на Северном Кавказе во второй половине XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Г. Голубева. – М. : [б.и.], 1965. – 25 с.

Налоев З. Этюды по истории культуры адыгов / З. Налоев. – Нальчик : Эльбрус, 1985. – 46 с.

Саськова Т.В. Образ Кавказа в русской литературе / Т.В. Саськова // Советская литература и Кавказ. – Грозный, 1991. – С. 102-105.

Схалыхо А.А. Писатели-публицисты конца XIX – начала XX вв. / А.А. Схалыхо // История адыгейской литературы : в 2 т. – Т. I. – Майкоп, 1999. – С. 26-38.

Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов / Ю.М. Тхагазитов. – Нальчик : Эльбрус, 1996. – 128 с.

Шиков К.М. Закономерности развития русскоязычной адыгейской литературы XIX – начала XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / К.М. Шиков. – Нальчик : [б.и.], 1996. – 20 с.

ЛЮБОВЬ К РУСАЛКЕ КАК МОТИВ ПУШКИНСКОЙ ЛИРИКИ

Л.П. Чеметева

*Научный руководитель: А.Х. Гольденберг,
доктор филологических наук, профессор (ВГУ)*

Мифологический образ русалки получил широкое распространение в романтической литературе. Не раз обращался к нему в своем творчестве и А.С. Пушкин. Если драма «Русалка» и баллада «Яныш королевич», главной героиней которых является русалка, достаточно изучены пушкинистами, то к стихотворениям «Русалка» и «Как счастлив я, когда могу покинуть...» обращались сравнительно редко. К тому же в этих исследованиях отсутствует сопоставление пушкинских героинь с их фольклорными первообразами. Оба стихотворения связывает основной сюжетный мотив – любовь человека к русалке.

Пушкин близок к славянскому фольклору, но его русалка представлена в лирике поэта двумя контрастными образами. В стихотворении «Русалка», которое можно рассматривать как пародию на романтические сюжеты, близость к фольклорному образу подчеркнута и травестирована. Во втором стихотворении создается тонкий и неоднозначный лирический образ мертвой возлюбленной.

В основе стихотворения «Русалка» лежит весьма распространенный в романтической литературе сюжет: завлечение мужчины русалкой и